

Мария Дубровина

Экзамен

Рассказ

16+

Мария Дубровина

Экзамен

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Дубровина М.

Экзамен / М. Дубровина — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Кто такой "нормальный человек", никто не знает. Хотя все о нем говорят. Многие родители просят, чтобы их дети стали просто нормальными людьми, подразумевая, что у них должна быть семья, друзья, работа, хобби. Дети растут, следуя заданному направлению, но случается, что немного разобравшись в мире, они понимают, что живут не своей жизнью. И что тогда делать? Радикально все менять? Или продолжать начатую карьеру, не такую уж и плохую, если разобраться...Главный герой рассказа "Экзамен" - Саша, русский эмигрант, живущий в Милане. Однажды утром он просыпается и идет в университет на экзамен. Он даже не подозревает, с каким результатом он выйдет из аудитории.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

На голове у отца была летняя шляпа желтоватого оттенка. Он безмятежно наблюдал за действиями Саши: вскочил в машину, уронил ключи, наклонился к рулю, закинув голову, как голодный птенец, опустил руку к педалям и нащупал связку. «Откуда?» подумал Саша. Сын сидел на месте пассажира, но у него был руль. Отец стоял за окном со стороны водительского сиденья, но, даже находясь вне машины, смог завести её взглядом с несвойственной ему при жизни доброй отчужденностью.

При жизни отец был строгим и живым, а после смерти стал светловатым и ускользающим. Он ушел без предупреждения и навсегда, не оставив никаких надежд на невероятное возвращение. Ещё за день до «ДТП» он гнул жизнь сына, как ивовый прут, пытаясь приспособить её для латки своей любимой прохудившейся корзины, а отпрыск алкал свободы и реванша и кричал ему в себе «Я докажу тебе!», как вдруг «тебя» не стало.

Потребность доказать, однако, не сразу и не совсем исчезла. Для этого, наверное, они встречались иногда на остановке «Улица Мичурина» или в её окрестностях. Вот и сегодня за спиной отца виднелись знакомые акации, обрамлявшие пешеходный путь от венчавшего останков грязновато-голубого газетного киоска к продовольственному магазину. А может, они ему сегодня и не виднелись... Шляпа желтоватого оттенка излучала нейтрализующее задний план сияние. Может, он просто знал, что там должны были быть акации? Какие акации? Уж десять лет, как он живет в Милане. Пора было догадаться, что он спал.

Саша открыл глаза. В руках у него был будильник. Ах да, сегодня он уже просыпался один раз, по его зову, но отключил и снова в сон вернулся. На дубль третий времени не было. Он опаздывал на экзамен.

Глаза привыкли к яви. Нечеткие световые пятна, рассеянные на стене дырявыми щелями в жалюзи, оповещали о пасмурном дне. На столе стояла пустая коробка из-под пиццы с черными оливковыми косточками, она аукнулась тяжестью в желудке. Руки сами потянулись к кнопке запуска открытого, но выключенного ноутбука, но он заставил себя пройти мимо, в ванную.

Через полчаса он запихивал книги в рюкзак на выходе из квартиры. Марио, фотограф по профессии и, по совместительству, хозяин квартиры, где Саша снимал комнату, ещё не вставал. Он спустился во внутренний двор, взял свой велосипед, оседлал его и через распахнутые ворота выкатил на улицу. Консьержка Сильвана смывала водой из гадюко-подобного шланга мыльную пену с тротуара.

– Ciao, – развязно кинула она ему.

В стиле общения этой пятидесятилетней особы с жильцами и гостями их многоквартирного пятиэтажного дома скользила нотка какого-то разочарованного панибратства. Словно в далёком прошлом все они были её задушевыми друзьями, которые в последствии её предали, но она, хоть уже никому из них не доверяла, всё же продолжала с ними здороваться.

– *Sempre con questo shampoo*¹, – пробормотал совсем неслышно Саша, подъезжая к первому красному светофору.

Он никак не мог привыкнуть к этой миланской манере мыть тротуары с мылом. Выйдешь утром на улицу, а тебя встречает не свежий и даже не городской, пропитанный выхлопными газами, воздух, а какая-то дешёвая химия собачьего шампуня.

Догадки о пасмурности подтвердились и даже усугубились. Дождь собирался вскоре посмеяться над Сильваной и её ритуалом мойки асфальта, равно как над Сашей и его верностью двухколесному другу.

Загорелся зелёный, Саша свернул в широкую каштановую аллею, разделявшую встречные полосы движения проспекта Независимости. Там воздух казался чище, и там царила поступательная монотонность деревьев, ствол за стволом спешащих повторить себя в порыве сочув-

¹ Вечно с этим шампунем (итал).

ственной заботы о путнике. Гиганты позволяли лилипуту на миг утонуть в себе, забыв о городе. Он перестал крутить педали, и велосипед катился сам по себе по маленькому туннелю безвременья.

Последние недели он работал над видеороликом на музыку Германа, друга Марио. В основу сюжета была положена история курильщика гашиша, которого за скудностью бюджета сыграл сам Герман. Он как бы покупал наркотик в аптеке, забивал косяк в парке и выкуривал его там же, сидя на скамейке. После чего предавался расслабленным невинным фантазиям и уходил, не сделав никому никакого вреда. Если задумка удастся, любители скандалов клюнут на сивушную суть видео, и шумиха привлечет внимание к музыкальному таланту Германа и режиссерским способностям Саши.

Вчера перед сном он закончил монтаж отрывка, где одинокий герой, удаляясь, растворялся в черно-белом варианте этой каштановой аллеи. И было нечто колдовское в том, что как только Саша попал в сень деревьев, он сам исчез, и вместе с ним исчезли его велосипед, лежащий на лавочке ещё не протрезвевший бомж, старая грязная болонка в леопардовом комбинезоне в тон сапогам её не первой свежести хозяйки и их соединяющая нить поводка, а вдоль аллеи шёл долговязый Герман, пересекая кадр наискосок из левого нижнего угла в правый верхний. Осенние краски побледнели до обесцвечивания, вечернее солнце, торжествуя, пробивалось сквозь утренние облака. Созданный им образ затмил свой подлинник. Его многолетняя знакомая ассоциировалась с монохромной дорогой на закат для одинокого спутника, роль которой однажды сыграла. «Наверное, теперь так будет каждый раз», – думал Саша, забыв об опоздании.

Он опаздывал теперь, будучи помощником старшего преподавателя, как и семь лет назад, когда был первокурсником. Впрочем, неловкости по этому поводу можно было не испытывать. В Италии, в отличие от Советского Союза времен его детства, опоздание считалось не невоспитанностью, а незначительной и недостойной внимания погрешностью. В университетской среде задержка на «un quarto d'ora accademico»² вошла в поговорку. Но Саша с ностальгией стыдился своих опозданий.

Прерывая своим появлением лекцию, семинар или совещание кафедры, он смущённо произносил всегдашнее «Scusate il ritardo»³. Коллеги равнодушно улыбались. Через несколько минут после него открывал дверь молодой преподаватель Лука, который хоть и извинялся, но не за опоздание, а за шум, неизменно преследовавший его в движении – то у него выпадут книги из портфеля, то он зацепит рукавом ручку стоящего у входа прожектора для слайдов, то споткнётся об стул. Позже всех могла появиться вечная аспирантка Симона. Она жила за Миланом и добиралась до города на не признающих авторитетности расписания итальянских пригородных поездах.

Его университетская жизнь была насыщена хождением по коридорам, чтением скучных книг в читальном зале и виртуозным составлением оригинальных коллажей с использованием броских фраз из передовых научных статей. Он был немногословен и редко улыбался. Его общение с коллегами сводилось к выслушиванию их водопадо-подобных словоизлияний.

² Академическая четверть часа (итал).

³ Извините, опоздал (итал).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.